

Ольга Птицева
Микита Франко
Кэтрин Аванесян
Валерия Мадинова
Света Лукьянова
Алиса Осипян
Анастасия Мосинец
Настя Лаврентьева
Софи Агеева
Дарья Трайден
Янина Ахх Ахметова

Евгения Некрасова
Мария Рейх
Маша Трубицина
Полина Максимова
Даша Охоцимская
Лера Макарова
Наташа Тюлешина
Наталья Сабурова
Анна Мельникова
Кеша Ким

18+

ПОУСМАТЬ МАТЬ

21 рассказ
о материнских фигурах

Soda Press

Евгения Некрасова

Поймать мать

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Некрасова Е.

Поймать мать / Е. Некрасова — «Эксмо», 2026 — (Soda Press)

ISBN 978-5-04-247406-4

Кто был рядом с нами, когда мы росли, и кто остался, когда мы выросли? Одни авторы создают объемный материнский портрет, другие размышляют о детских травмах, а некоторые ищут родительскую фигуру в женщинах вокруг - бабушках, тетях, учительницах. Это тексты о дистанции и близости, о побеге из дома и возвращении, о попытке пересобрать образ матери и определить, что значит ей быть — и можно ли ее поймать.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-04-247406-4

© Некрасова Е., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Ольга Птицева	6
Микита Франко	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Поймать мать

© К. Аванесян, С. Агеева, Я. Ахх Ахметова, К. Ким, Н. Лаврентьева, С. Лукьянова, В. Мадинова, Л. Макарова, П. Максимова, А. Мельникова, А. Мосинец, Е. Некрасова, А. Осипян, Д. Охоцимская, О. Птицева, М. Рейх, Н. Сабурова, Д. Трайден, М. Трубицина, Н. Тюлешина, М. Франко, 2025

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Ольга Птицева Девять часов

Между мной и мамой девять тысяч километров. Или девять часов полета без пересадки. Или девять часов разницы во времени. Очень легко запомнить – три девятки, как выиграть в лотерею, только наоборот. Обычно мы созванивались раз в день, когда в Донском почти ночь, а у мамы раннее утро. Бабуля заплетает мне косички на ночь, я чищу зубы, собираю рюкзак, а за стеной начинает храпеть дед. Бабуля приносит мне в комнату телефонную трубку, мы садимся рядышком и ждем, пока мама ответит на звонок за девять тысяч километров, и два перелета с пересадкой, и девять часов времени.

- Как вы? Как ты? Холодно?
- Дует! А у вас?
- Дома тепло, батареи включили!
- И у нас, но все равно холодно.

Мне одиннадцать, и я полная девочка с челкой, которую бабуля стрижет мне раз в месяц у зеркала в ванной. Со мной почти никто не дружит, я читаю все, что попадется под руку, а сегодня днем, в субботу шестнадцатого октября, у меня начались месячные. Первый раз. Я сижу на унитазе, горячая боль скручивается внизу живота и сочится наружу коричневыми сгустками. Я знаю, что это такое, но мне больно и страшно, и хочется, чтобы кто-то погладил меня по спине теплой ладонью, как грелкой.

Летом Юлька рассказывала, что у нее *начались красные дни*. Позже, чем обычно бывает, – ее даже отвели к врачу, но там заверили, что бывает по-разному, не надо переживать. Юльке уже шестнадцать. Я тогда прикинула, что есть еще пара лет до того, как *они* придут и ко мне. Вообще это звучало как тайная ночевка с подружками, на которую зовут только классных девочек. Очень здорово, но не с твоим детским пеналом и розовыми резинками на концах косичек, Лель.

Кроме школы, я вообще мало куда ходила, так что месячные застали меня дома. Внутри заныло так, будто я сейчас обделаюсь, а еще постоянно хотелось себя ощупывать – бедра, мягкий валик живота, тяжелую грудь. Левая и правая – если они такие маленькие, то почему болят так, что не дотронешься?

- Я супчик сварила, иди! – крикнула из кухни бабуля.

В отражении зеркала, забрызганного пастой, на меня смотрела бледная до синевы девочка со слипшейся челкой. Можно было прикинуться больной. Или коричневая жижа сама по себе считается болезнью? Я подтерлась, стянула трусы и запихала их между стиральной машиной и стеной. Из горы чистого белья вытащила свежие, надела сначала их, потом пижамные штаники. Подумала немного и засунула в трусы свернутый валик туалетной бумаги. Прокладок под рукой не было – откуда им взяться в доме, где живут пожилая женщина и маленькая девочка? Или уже не маленькая? Или уже не девочка?

Меня затошнило, я вывалилась из ванной, прошла два шага по узкому коридорчику, опустилась на табуретку у стола. Квартирка у нас была крохотной – не спрячешься. И не спрячешь ничего, особенно грязные трусы за стиралкой.

- Бабуль, – протянула жалобно. – Что-то мне плохо.
- Она тут же всполошилась, обтерла руки об фартук, принялась шупать мне лоб.
- Что болит? Где?
- Мне даже жалко ее стало. И врать перехотелось.
- Животик болит. – Полуправда подходила мне больше.
- Кушать, наверное, хочешь? Давай я тебе супчика налью.

Я болтала в супе ложкой и смотрела в окно. Уже прилетели синички, бабуля кормила их семечками и салом, а они прыгали по подоконнику и стучали в стекло, наблюдая за нами черными бусинками глаз. Обычно мне нравилось следить за их суетой, но сегодня маленькие птички с их пронзительным чириканьем бесили так, что я дождалась, пока бабуля уйдет в спальню, подошла к окну и жახнула по нему ладонью. Глухой хлопок, испуганный птичий гомон. От вибрации холодного стекла пальцы тоже стали холодными, я приложила их к животу.

– А может, ты простудилась? – спросила бабуля, возникая на пороге. – Мотаешься босиком... Может, чаю с малиной хочешь?

Я хотела лечь под одеяло и чтобы мама помяла мне спину. Она полжизни проработала в музыкальной школе, пальцы у нее стали сильные-сильные. Когда мы вместе жили на Чукотке, к маме часто приходили играть на пианино дочери местного охотника. За репетиторство они платили едой, так что в холодильнике всегда была свежая оленина и соленые грибы.

– Давай чаю попьем, – попросила я и ушла считать, сколько сейчас у мамы времени.

Если у нас три дня, то у мамы двенадцать ночи. Если у нас пять вечера, то у мамы третий час. Когда у нас будет полночь, у мамы настанет утро, и я наконец смогу ей позвонить. Она поднимет трубку, и я ей сразу скажу. Вот только как сказать? *Мам, у меня эти дни пришли? Мам, у меня красный день календаря? Мам, приехали гости из Краснодара?*

Саша Орехов из параллельного класса дразнился на физре, когда девочки получали освобождение, что у них *кошка мордочку разбила*. Я не могла понять, при чем тут кошка и мордочка, но от этих слов сразу становилось жарко и тесно. Такую гадость я бы маме ни за что не сказала. Я лежала на кровати, поставив чашку с малиновым чаем себе под бок, и перебирала варианты. От тепла я стала сонной, и живот мой почти перестал болеть, только под пупком что-то мелко дрожало. Через сон я перебирала варианты: *дела начались, по женской части пошло, красная армия, алые паруса поднялись*.

– Градусник поставим? – спросила бабуля, заглядывая через порог. – Ой, спи-спи!..

Забрала чашку, накрыла меня пледом, но я уже проснулась. Живот надулся, и я почувствовала, как из меня вытекает горячее и густое. Скомканной бумагой такое не удержишь. Пришлось бежать в туалет, но кровь успела пропитать и бумагу, и трусы, и разлиться по пижамным штанам большим красным пятном. Я отстирывала их под холодной водой, стоя босиком на плитке, а кровь стекала по внутренней стороне бедра. И ничего невозможно было с ней сделать, никак не остановить, ничем не заткнуть. На штанах остались слабые коричневые разводы, трусы я спрятала в той же щели между стиралкой и стеной. А внутрь себя затолкала смятую бумагу.

– Ты чего так долго? – Бабуля начала стучать в дверь, когда я натягивала последнюю чистую пару трусов, найденных в ванной.

– Чай на штаны пролила. – Уж если врать, то врать.

– Балда какая, – беззлобно поругалась бабуля. – Оставь, я в машинку кину.

До вечера я старалась не садиться и два раза меняла бумажный тампон. От шершавой бумаги кожа между ног воспалилась и чесалась. Внизу живота сгущалась тяжесть, но я упрямо носилась по дому. Перебрала книжки в шкафу: Крапивина на нижнюю полку, «Гарри Поттера» – на верхнюю, энциклопедии «Я познаю мир» – на среднюю. В выпуске, посвященном телу, было написано, что первые менструации начинаются у среднестатистических женщин с двенадцати до пятнадцати лет. Кажется, мы с Юлькой не были среднестатистическими. В энциклопедии для девочек говорилось, что в дни месячных из тела выходит плохая кровь, после нее надо тщательно мыть руки. Ни в одной книжке не было написано, как же рассказать маме, что со мной сегодня случилось. Только под ногтями собралась коричневая грязь, и я подрезала их маникюрными ножничками так коротко, как только смогла.

– Лель, это что?.. – спросила бабуля, когда я зашла в ванную с ножницами в руках. – Это что такое, я тебя спрашиваю?

Она тяжело навалилась на стиралку, а в руках держала две пары моих испачканных трусов.

– Почему тут кровь? Ты что наделала?

Под ее испуганным взглядом живот стал плотным и горячим, тугая волна прошла от поясницы к лобку, захотелось свернуться и замереть. Но я одним движением стащила с себя штаны с трусами и осталась стоять перед бабулей голая по пояс. Между ног у меня торчал бумажный сверточек – я посмотрела, он уже пропитался кровью.

– У меня вот, – только и смогла пробормотать я, а потом заплакала.

Бабуля ахнула, рванула дверь ванной и закрыла на замок.

– Ты что? Дед увидит...

Но потом обняла меня, прижала к своей мягкой большой груди и тоже тихонько завывала, покачивая меня полуголую и дрожащую, как маленькую. Только маленькой я больше не была. Бабуля так и сказала, когда мы перестали плакать и утерли лица полотенчиком для рук.

– Теперь ты стала взрослой, – торжественным шепотом заявила она, натянула на меня трусы со штанами. – Пойдем, я тебе свежую пижамку дам. И марлечку, а потом в аптеку сходим. И маме еще надо позвонить... Сколько у нее там сейчас? Рано еще, да? Ну подождем...

И пока я натягивала свежее белье, подложив кулечек из марли, бабуля взяла блокнот в кожаной обложке, в который она записывала все самые важные события, и старательно вывела: *16 октября 2002 года – Леля стала взрослой.* Она так и сказала, когда все-таки дозвонилась до мамы. И голос ее немного дрожал. Я лежала на диване в своей маленькой спальне, прижав колени к груди. Кровь собиралась в моей матке и стекала через меня в толстую прокладку.

– Лелька, таблетку выпей и не грусти, – попросила мама, заканчивая звонок.

А бабуля осталась сидеть со мной и гладить по спине. Засыпая, я чувствовала ее сильные пальцы на своей пояснице.

Когда бабуля умерла и мне пришлось разбирать вещи, блокнот оказался спрятанным в кармашке ее любимой сумочки. Я нашла в нем отметки про все, что с нами происходило: день, когда умер дед, день, когда мама вышла на северную пенсию, день, когда я закончила школу, день, когда сломала ногу и когда вышла моя первая книга. А еще день, когда бабуле исполнилось восемьдесят. Она умерла через трое суток после этого. Я вписала последнюю дату в блокнот, старательно копируя бабулин почерк. Между днем моих первых месячных и ее смертью прошло шестнадцать лет. И кажется, что взрослость моя наступила только сейчас. Но спорить с бабулей я бы не стала.

Она не любила, когда с ней спорили.

Микита Франко

Сирота

Когда он затянул галстук потуже, она наклонилась и подтянула носки повыше. Он спросил, почему она пришла на свидание не в платье («Это дорогой ресторан». – «Здесь есть какое-то правило по этому поводу?» – «Есть этикет». – «Слишком сложное слово, мне никогда его не запомнить»), и она сделала мысленную пометку: не ошиблась. У Жени был врожденный радар на придурков: внутреннее чувство, что тот, кто с тобой сейчас разговаривает, – непроходимый тупица. Обычно сигнал срабатывал на мужчин. Кажется, первым, на ком радар запиликал, был ее бывший.

У этого – лысеющего широкоплечего детины напротив – отпечаток интеллекта на лице был даже заметней, чем родимое пятно в форме фасолины на лбу. Словом, он Жене ни одной минуты не нравился, и причина, по которой она с ним сюда пришла, – в «Одноклассниках» он ставил «классы» на аватарки ее матери. Предполагаемой матери.

Она искала ее во всех социальных сетях – Козачук Аделину Дмитриевну – и только в «Одноклассниках» нашла человека с таким сочетанием имени, фамилии, отчества. В профиле была фотография женщины лет пятидесяти, стоящей рядом с кустом сирени, – одна рука трогает гроздь цветов, другая лежит на поясе, голова повернута к камере. Качество фото плохое, будто оно сделано даже не на мыльницу, а на первые телефоны «Нокиа» с камерой, и Женя не смогла понять – мама это или нет. Она ее почти не помнила.

В «Одноклассники» Аделина Козачук не заходила уже давно – больше пяти лет. Женя все равно написала ей, на ответ надеяться не приходилось, и поэтому по «классам» она стала вычислять возможных знакомых. Всем отправила однотипное сообщение: «Здравствуйте, меня зовут Женя Козачук, Аделина в ваших друзьях – моя мама. Когда мне было пять лет, она отдала меня в интернат и уже не забрала обратно. Я давно пытаюсь ее найти. Может, вы знаете, как с ней связаться?».

Большинство не ответили, потому что «Одноклассники» – это покрывшаяся мхом сторона интернета. Порой кажется, что они там уже все мертвы.

Некоторые прочитали и сохранили молчание.

Один человек сказал: «Я не знаю».

И еще один – Петр Поликарпов – написал: «А сходите со мной на свидание, я вам все, что знаю, про нее расскажу».

И вот они здесь. Женя подтянула носки и развалилась на стуле – ноги разъехались шире. Петр Поликарпов сидел напротив и много, очень много нудел.

– Для девушки у вас так себе манеры, конечно. Но я понимаю – расти без мамы непросто, некому привить девочке женские качества.

– А у вас мама, стало быть, была, – скучаяще заметила Женя, зубами отрывая заусенец у указательного пальца. – Все женские качества на месте.

Петр Поликарпов (шестьдесят два года, кстати говоря) улыбнулся ей одними усами. Раскрывая меню, спросил, игнорируя колкость:

– Что будете брать?

Женя заказала самые дорогие блюда из списка: салат с гребешками и черной икрой, стейк из мраморной говядины с трюфельным соусом, бокал «Шато Марго» и на десерт – фисташковый мусс с золотыми хлопьями. Когда закрыла меню, посмотрела на Петра так, как будто ничего особенного. Вполне девчачьий выбор.

– Так что по поводу моей мамы? – спросила Женя. Одна ступня у нее лежала на колене, второй она раскачивала стул, на котором сидела.

– Она уже давно не здесь живет, – сообщил он наконец. – В Казахстан уехала.

Это многое объясняло: например, почему ее адрес не могли найти ни в одном архиве города и страны, куда обращалась Женя. Правда, и следов найти не могли – в какой-то момент ей стало казаться, что такого человека просто не существует. В загсе ей объясняли, что в конце 90-х – когда мама и пропала из Жениной жизни – был бардак, записи велись как попало, многое было утеряно. Ей тогда тоже ответили: может, она уехала из страны.

– Город знаете?

– Актюбинск.

Женя достала телефон, сразу погуглила.

– Нет такого.

– Другой щас какой-то, может? Все переименовывают, они ж нас не любят.

– Актобе, – нашла она ответ в Википедии. Положив телефон на стол, снова сцепила руки в замок за спинкой стула и прищурилась: – А вы откуда знаете? Вы ей кто будете?

Не хватало еще на свиданке с родным отцом сидеть. Его Женя тоже совсем не помнила, только со слов матери: мудака был порядочный и бросил их, когда Жене только исполнилось два. Теперь она была готова подозревать отца в любом мужике старше ее лет на двадцать и больше.

Петр выдержал паузу: подошедший официант принес два бокала и разлил в них вино. Когда они снова остались вдвоем, заговорил:

– Учились вместе. В школе. В одном классе, между прочим. Ну она тогда еще Аделина Черная была... Козачук – это уже потом, замуж вышла, наверное. Или фамилию взяла по матери. Ты ж не знаешь?

Женя покачала головой, отстраненно наблюдая, как он поправляет салфетку у себя на коленях.

– Десять лет назад у нас была встреча выпускников. Кто-то ее в общий чат добавил. Девчонки там всех искали – кто где, кто жив, кто не очень... Она в чате написала, что приехать не сможет, потому что живет в Казахстане. Тогда и сказала: в Актюбинске. Сейчас, конечно, не вспомню, как именно она это сформулировала – вроде как «живу теперь тут, не выберусь, извините». Я еще удивился: чего это вдруг в Казахстан? Но не стал спрашивать – у всех своя жизнь. Потом, по-моему, из чата вышла. А может, ее удалили, я не вникал.

– И это все, что вы знаете? – уточнила Женя.

Он кивнул:

– Это все.

Женя скрипнула стулом, отъезжая от стола, взяла бокал за ножку и выпила вино залпом. Поставив бокал на место, бросила:

– Спасибо, – и быстрым шагом направилась к выходу.

Поликарпов крикнул ей вслед:

– А кто это все есть будет?!

– Приятного аппетита, – уже врезаясь ладонями в дверь, ответила она.

На ходу, на одной вкладке телефона набирая сообщение, а на другой – ища билеты на самолеты (да, почти одновременно), она быстро написала Полине: «Солнышко, сегодня опять домой не приду, я тебе там суп оставила, не скучай». От Солнышка – так Полина и была записана в Женином телефоне – сразу пришел ответ: «Ты надолго?». Женя написала: «Может, на пару дней».

А дальше: билеты Москва – Алматы, Алматы – Актобе. На ближайшую дату – завтра – и потому стоимостью как бизнес-класс в авиалиниях Арабских Эмиратов. Пришлось влезть в накопления и потратить всю сумму, отложенную на машину, – Жене казалось, это того стоило, хотя у нее не было ни плана, ни представления, где она там, в Актобе, будет ее искать. Может, тоже пойдет по архивам, загсам, полицейским участкам и больницам с нелепыми просьбами

пробить Аделину Козачук по базам, а ей, как и здесь, будут отвечать про конфиденциальность информации или – тоже как здесь – смотреть одним глазком «только ради вас, но вы никому не говорите». И если Женя ее найдет, то...

В этот момент картинка поисков упиралась в тупик, потому что искать – это не то же самое, что найти. В поиске есть какой-то азарт, адреналин, которым можно гнать себя вперед, подстегивая детские обиды и постоянно вопрошая: а почему, а за что, а неужели не было другого выбора. Когда Женя представляла, как поиск приходит к логическому завершению и она оказывается на пороге какой-нибудь квартиры – обязательно не очень ухоженной – и по-настоящему видит маму, наступал мысленный тупик. Она, конечно, говорила себе: тогда я и задам все вопросы. Но еще вдруг понимала: она не хочет знать ответы.

Что с того, что мама скажет: «Было тяжело»? Или оправдается: «Я хотела тебя забрать, но мне не разрешили». Или придумает еще какую-нибудь нелепость, выгораживающую ее и облегчающую Жене участь нелюбимого ребенка, – это же все равно ничего не облегчит. Можно поверить в красивую историю о материнской любви, которая искала и все никак не могла найти, когда тебе тринадцать, и нельзя, когда тридцать. Все красивые истории должны быть рассказаны в тринадцать, дальше они просто не работают.

Как не работали кондиционеры в автобусах Актобе, когда следующим жарким утром Женя все-таки оказалась там. И как не работали справочные окна в районных загсах, куда Женя отправилась с распечаткой фотографии из «Одноклассников» и одним-единственным именем.

– Мы такое не делаем. Попробуйте в миграционной службе или в участке по месту прописки.

– Только по запросу суда или полиции. Напишите заявление о пропаже.

– Мы не выдаем такую информацию. Можете попробовать через прокуратуру.

Отказ. Отказ. Отказ.

Женя вышла из полицейского участка, достала телефон, вбила в строку поиска: «Частный детектив, найти человека, Актобе», но ничего не нажала. Сидела и смотрела в экран, чувствуя себя разрядившимся телефоном. Батарея мигала красным.

На следующий день она пошла в поликлинику – ту, что была поближе к центру, – но ей и там не выдали никаких данных. Частный детектив – все-таки она вбила его в поиске – назначал встречу аж на двенадцатое июля. Женя обещала Полине вернуться через пару дней, это значит завтра, и у нее не было возможности ждать до двенадцатого июля. Она написала этому детективу огромное сообщение с просьбой понять ее положение и назначить встречу раньше – хотя бы на завтра. Тот ответил: «Никак не могу». У Жени не было денег, чтобы предложить выкупить место в очереди, а еще не было гордости – или была, да всегда не по тому поводу, – и поэтому она предложила бартер: минет в обмен на встречу завтра. Мужик ответил: «Послезавтра». Пришлось согласиться – и не прилететь домой еще следующие три ночи.

А вернуться только на четвертую, в пятом часу утра бесшумно открыв дверь квартиры и на цыпочках прокравшись в свою спальню. Войти незамеченной не получилось: Полина подстерегала ее за поворотом коридора, как призрак, посмотрела снизу вверх огромными, блестящими в темноте глазами и строго спросила:

– Где ты была?

– По делам. Че ты не спишь? – Женя врубила в голосе строгость. Всегда так, когда она чувствует, что не права, – металлические интонации появляются сами собой.

– Не спится, – буркнула Поля.

– Тебе в школу утром.

– Сейчас каникулы.

– А, точно.

Женя прошла на кухню, зажгла свет – сразу увидела грудку трехдневной посуды, сваленной в раковину. Цыкнула, раздражаясь от того, что будет убирать это весь следующий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.